

Т.Ф. Brentano

**Древние и современные
софисты**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Т11

Т.Ф. Brentano
Т11 Древние и современные софисты / Т.Ф. Brentano – М.: Книга по Требованию, 2021. – 256 с.

ISBN 978-5-458-49351-2

Бrentано Франц (1838 – 1917), австрийский философ и психолог, создатель теоретического направления в психологии - психологии акта, провозвестник феноменологии и некоторых идей аналитической философии. В 1864 г. получил католическое образование, был посвящен в священнический сан. По происхождению слово "софист" значит учитель мудрости. Brentано считает, что древние сделали из этого слова оскорбительный термин, новейшие придали ему значение ложно-мыслящего ума, систематического мечтателя. В своей монографии автор пытается опровергнуть эти стереотипы и доказать, что из всех философских учений софизм, благодаря возбуждаемым из-за него страстям - самое интересное и драматичное. Оно знакомит нас с тайными пружинами нашего мышления, и лучше, чем все существующие правила, открывает нам меру наших сил и глубину наших заблуждений.

ISBN 978-5-458-49351-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Если первая встрѣчная философская мечта принимаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе философскаго произведенія: то заблужденіе наше въ этомъ случаѣ невольное. Наши мнѣніе философы настолько искренни, насколько почитатели ихъ доверчивы. Глубокое разстройство новѣйшаго мышленія нельзя объяснить однимъ незнаніемъ исторіи происхожденія древнихъ софистическихъ школъ; если древность и средніе вѣка представляютъ собою эпохи, отличавшіяся однѣми и тѣми же характерными чертами смуты и нестроения, причины тому надо искать въ самой природѣ философіи, а не въ какой либо случайности.

II.

Основное начало философіи.

Есть умы неспособные къ философіи, какъ есть умы неспособные къ математикѣ. Философія представляется имъ чѣмъ-то въ родѣ умственной алхиміи; анализъ своей собственной мысли пугаетъ ихъ. Другіе умы, болѣе сильныя и болѣе способныя увлекаться философскими умозрѣніями, удивляются высокимъ воззрѣніемъ философовъ и раздѣляютъ ихъ убѣжденія. Тѣ и другіе одинаково заблуждаются, воображая, что предметомъ философіи служитъ объясненіе природы и происхожденія вещей; первыхъ отталкиваютъ возвышенныя отвлеченности, вторые принимаютъ ихъ за самую истину; тѣ и другіе одинаково упускаютъ изъ виду главную основу всякаго философскаго ученія—науку о законахъ мышленія, созданную основателями философскихъ ученій. Уничтожьте индукцію Платона, устранили изъ системы Аристотеля существенныя въ ней начала родовыхъ понятій, отбросьте изслѣдованіе Декарта о простыхъ идеяхъ, и отъ ученія этихъ философовъ останется только рядъ стройныхъ и обширныхъ гипотезъ. Винять философію, упрекають ее въ томъ, что она не наука, а не хотятъ понять, что отыскивая науку въ философіи, упускаютъ изъ виду то именно, что единственно дѣлаетъ ее наукой: познаніе законовъ нашего ума.

Познаніе законовъ мышленія составляетъ науку въ точномъ смыслѣ слова,—доступную опыту и доказательству. Оно шло впередъ съ вѣками, и опытъ постепенно развивалъ или исправлялъ его. Я вижу, чувствую, разсуждаю, сравниваю мои сужденія—вотъ факты, которыми каждый свободно располагаетъ. Къ сожалѣнію, открытія въ этой наукѣ весьма рѣдки и труднѣе чѣмъ во всякой другой, какъ бы ни казались съ перваго раза легкими упражненія въ этомъ родѣ. Каждая изъ нашихъ идей отлична отъ другой, ни одно изъ нашихъ сужденій не остается всегда одинаковымъ: каждое является предъ нами уже омраченное нашими страстями, подъ покровомъ словъ, привычекъ и предрасудковъ нашего воспитанія. Когда мы пытаемся анализировать ихъ, то оказывается, что всѣ наши сужденія представляютъ собою одну сплошную цѣпь, наши способности взаимно исполняютъ одна другую, наши принципы взаимно предполагаются и когда хотимъ подвергнуть опыту умственный фактъ, онъ уже не существуетъ болѣе; только посредствомъ воспоминанія можемъ снова вызвать его; мы не владемъ способностью мыслить свою мысль. Точно также мы отдаемъ себѣ лишь весьма смутный отчетъ въ томъ, что это за наука о законахъ мышленія, называемая методомъ въ философіи. То мы обозначаемъ этимъ терминомъ своеобразную у каждаго философа манеру располагать свои мысли въ определенномъ порядкѣ при изысканіи истины; то разумѣемъ подъ именемъ метода совокупность общихъ началъ и правилъ, которымъ философъ считаетъ нужнымъ слѣдовать для достиженія той же цѣли; этому послѣднему предпочтительно усвоится нами имя раціональнаго научнаго метода, между тѣмъ какъ первый кажется намъ методомъ инстинктивнымъ и чисто личнымъ. Иное дѣло мыслить, иное понимать свое мышленіе. Методъ инстинктивный—это мышленіе въ его свободной, ничѣмъ не стѣсняемой дѣятельности, и по этимъ своимъ качествамъ оно составляетъ первичную причину, истинное начало всѣхъ ученій; методъ же научный есть только рефлексъ, всегда болѣе или менѣе не полный. Тщательные анализы условій достовѣрности и разсудочной дѣятельности, которые мы находимъ у всѣхъ великихъ филосо-

фовъ, представляютъ лишь весьма несовершенный отчетъ объ ихъ мышленіи. Дѣйствительное жизненное начало и принципы ихъ ученія,—совсѣмъ не методъ, которому они слѣдуютъ; это—ихъ гений.

III.

Геній великихъ философовъ.

Какъ ни мало мы знакомы съ законами нашего мышленія, наши собственныя идеи кажутся намъ, тѣмъ не менее, поразительно вѣрными и ясными; мы повинемся имъ безъ колебаній, онѣ образуютъ наши мнѣнія, возбуждаютъ въ насъ желанія; но идеи, мнѣнія и желанія различны у каждаго изъ насъ; въ нѣдрахъ общественнаго прогресса онѣ разнообразятся до безконечности и влекутъ за собой безчисленныя противорѣчія и противодѣйствія. Въ этомъ-то мірѣ поразительнаго непостоянства, который измѣняется ежеминутно, преобразуется съ поколѣніями и составляетъ умственную жизнь народовъ, являются въ опредѣленные моменты люди, ищущіе высшей истины. Они видятъ колебанія однихъ, заблужденія другихъ, притязанія всѣхъ и каждаго, открываютъ своимъ проницательнымъ взоромъ предразсудки, ослѣпляющіе умъ,—страсти, его увлекающія, недоумѣнія, ведущія къ заблужденіямъ, восходятъ отъ анализа къ анализу, отъ индукціи къ индукціи и, взвѣсивъ одной рукой неизвѣстное, а другой—извѣстное, успѣваютъ найти твердыя опоры для своего мышленія и противостоятъ своимъ сомнѣніямъ. Спокойные въ своемъ могуществѣ, увѣренные въ равновѣсіи и гармоніи, они открываютъ намъ совершеннѣйшую формулу, общія и простѣйшія элементарныя правила истины и достовѣрности, насколько то доступно человѣческому уму въ данный моментъ. Эту формулу и правила они примѣняютъ потомъ ко всѣмъ великимъ проблеммамъ: къ вопросамъ—о происхожденіи и природѣ вселенной, о причинѣ вещей, о назначеніи каждаго существа, о дѣятельности людей, о движущихъ ими страстяхъ, о судьбахъ народовъ и человечества, и такимъ образомъ создаютъ свое ученіе, ги-

гипотезе къ его цѣлостности. Вращаясь въ кругу безчисленныхъ дѣланныхъ, мысль ихъ идетъ впередъ неуклонно, безъ колебаній; отрыгнута ими правила служатъ для нихъ мѣриломъ при изслѣдованіи конечныхъ истинъ, и величіе ихъ воззрѣній внушаетъ не меньшее удивленіе, какъ и могущество ихъ синтеза. Конечно, ихъ ученіе остается настолько же несовершеннымъ, насколько недостаточно знаніе ихъ о методѣ; но формулы, въ которыя облечено ими это ученіе, въ такой же мѣрѣ какъ и открытія великихъ астрономовъ и физиковъ, служатъ совершеннѣйшимъ выраженіемъ силы ихъ анализа и индукціи, равно и знанія, какимъ они владѣли. Таково назначеніе великихъ мыслителей; кругозоръ ихъ такъ обширенъ, полетъ такъ быстръ, что намъ не подъ силу за нимъ слѣдовать.

Когда проникаемся удивленіемъ къ открытіямъ Кеплера и Ньютона, мы не думаемъ, конечно, требовать отъ нихъ открытія всѣхъ тайнъ физики и астрономіи. Почему же требуемъ отъ Аристотеля и Декарта, чтобы они открыли намъ послѣднюю истину о происхожденіи и природѣ вещей?—При изученіи физики и астрономіи мы находимъ внѣ себя постоянныя, правильно совершающіяся явленія, которыя служатъ намъ опорой и даютъ возможность оцѣнить величіе генія людей, открывшихъ законы этихъ явленій. Въ явленіяхъ же нашего ума не находимъ ни такой правильности, ни постоянства; явленія ускользаютъ отъ насъ и потому мы не можемъ вполне понять значеніе генія въ философіи. То принимаемъ мы ученія великихъ мыслителей какъ дѣти, увлекшись блескомъ той или другой истины, то отказываемся слѣдовать имъ, будучи недовольны характеромъ того или иного вывода. Въ обоихъ случаяхъ мы поступаемъ такъ потому только, что въ своихъ колеблющихся мысляхъ не находимъ, какъ въ физикѣ и астрономіи, ни руководителя, ни опоры, которые дали бы намъ возможность оцѣнить открытія великихъ мыслителей.

Итакъ, трудности непреодолимы: свойства нашего разума и его ограниченность препятствуютъ основательному изученію великихъ системъ философіи. Между тѣмъ, если пренебрежемъ при этомъ хотя малѣйшей чертой: мотивами

мысли великихъ философовъ, инстинктивнымъ методомъ, усвоеннымъ ими, эпохой ихъ появленія, правилами, которыми они формулировали, ученьемъ, ими установленнымъ, мы не поймемъ фактовъ и скажемъ исторію. Будучи въ такомъ случаѣ не въ силахъ открыть въ системахъ истину, мы слѣпо хвитаемся за то или другое изъ началъ великихъ учений, прикладываемъ его по своему къ нашимъ познаніямъ и влечемъ. Дедукціи слѣдуютъ за первой нашей индукціей, наши сужденія перепутываются, заключенія идутъ за первыми посылками; мы думаемъ, что придерживаемся строгой логики; но не замѣчаемъ, что каждый неизвѣстный законъ заставляетъ насъ уклоняться съ прямого пути, малѣйшее преувеличеніе, вкрадывающееся въ наши разсужденія, выбиваетъ насъ изъ колеи, малѣйшее предпочтеніе, примѣшивающееся къ нашимъ заключеніямъ, усиливаетъ кажущуюся очевидность ихъ и превращаетъ ихъ въ заблужденія. Затрудненія мало по малу возрастаютъ, легкія связи мыслей превращаются въ тяжелыя цѣпи, смыслъ выражений затемняется, фразы становятся пустыми, поле знанія суживается, большая дорога дѣлается тропинкой, а тропинка заканчивается глухимъ переулкомъ или лабиринтомъ. Тогда здравомыслящіе люди смѣются надъ мечтаніями лжефилософа,—надъ безплодными попытками его найти абсолютное. Они не знаютъ, сколько нужно труда, размышленія и усилий, чтобы дать себѣ отчетъ, какъ найтись заблудившемуся, когда свѣтъ видится ему только въ томъ направленіи, въ какомъ онъ шель.

Философія такая же наука, какъ и всѣ другія. Она различается тѣмъ же путемъ индукцій и послѣдовательныхъ опытовъ; но тогда какъ индукціи другихъ наукъ основываются на точныхъ данныхъ, прочно устанавливаются на определенныхъ опытахъ, философскія индукціи, выражающія отношеніе между нашими сужденіями и признаками действительности, не имѣютъ предѣловъ въ своихъ опытахъ. Философія простѣйшая изъ наукъ по своимъ первымъ даннымъ, но она самая обширная по своему предмету. Философскія открытія и всего труднѣе дѣлать, и всего труднѣе понимать. Въ отношеніи, какими мы нынѣ владѣемъ, и какія человѣче-

ство можетъ приобрести въ будущемъ, сводятся въ послѣднемъ анализѣ къ немногимъ законамъ, управляющимъ нашимъ мышленіемъ. За логикой Аристотеля слѣдовали двѣ тысячи лѣтъ искавій въ потемкахъ, за изслѣдованіемъ простыхъ идей Декартомъ—вѣка усилій. Поколѣнія мыслителей смѣняютъ другъ друга, рѣшая одну и ту же задачу; одни народы исчезаютъ, другіе являются и новые мыслители снова начинаютъ и продолжаютъ прежнюю работу. Уже послѣ того, какъ великія ученія прослѣжены до самыхъ крайнихъ выводовъ, до разнообразнѣйшихъ ихъ примѣненій, съ неумолимою логикой и непоколебимою добросовѣстностью, изслѣдованіе этихъ ученій заканчиваются и мы открываемъ необходимыя данныя для новыхъ успѣховъ; таковъ смыслъ философскаго опыта. Это опытъ близкій къ намъ, непосредственный, поколику онъ производится по элементарнымъ правиламъ метода; но въ тоже время это опытъ отдаленный, ускользящій отъ насъ, насколько онъ относится къ общей совокупности ученій; онъ—опытъ историческій по видоизмѣненіямъ, какимъ подвергаются философскія ученія съ теченіемъ времени. Неясности, встрѣчаемыя здѣсь нами, зависятъ, съ одной стороны, отъ трудностей, испытываемыхъ каждымъ изъ насъ при открытіи законовъ своего ума, а съ другой—отъ нашего безсилія овладѣть произведеніями и открытіями величайшихъ геніевъ человѣчества.

IV.

Характеръ софистовъ.

Отъ изученія философскихъ ученій въ ихъ историческомъ развитіи зависитъ рѣшительно всякій прогрессъ философіи. Это изученіе имѣетъ три ступени.

На первой ступени стоятъ вѣрующіе ученики. Въ своей наивности они слѣпо принимаютъ слово учителя и передаютъ другимъ свое благоговѣніе. Они не понимаютъ могучей мысли, ихъ покорившей, смутно представляютъ себѣ основныя начала ученія, поражаются величіемъ цѣлаго и образуютъ всего чаще небольшую общину вѣрующихъ, которая теряется и исчезаетъ въ общемъ движеніи впередъ.

Второе мѣсто занимають, въ дѣлѣ изученія философскихъ ученій, ученики-философы въ истинномъ смыслѣ слова. Они овладѣваютъ вполне: мыслью основателя философскаго ученія; подобно ему исходною для себя точкою ставятъ собственныя познанія о явленіяхъ, совершающихся во внѣшнемъ мірѣ и въ области разсудка; но ищутъ высшей достовѣрности, правилъ болѣе совершенныхъ, и, восходя въ свою очередь отъ индукціи къ индукціи, развиваютъ основное начало ученія и видоизмѣняютъ его. Они имѣютъ полное и цѣльное сознаніе дѣйствительности, видятъ людей и всѣ предметы такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, и на каждой страницѣ своихъ твореній заставляютъ насъ раздѣлять глубокое ощущеніе свѣтопосной ихъ мысли. Таковы были: Локкъ, Спиноза, Лейбницъ; они видоизмѣнили Картезианское ученіе, каждый сообразно съ своимъ характеромъ и знаніями. Если намъ кажется, что въ ихъ системахъ есть противорѣчія, то въ этомъ отношеніи мы ошибаемся, что зависитъ отъ нашего неумѣнья понять ихъ; сила и единство ихъ мысли ускользаютъ отъ нашего пониманія. Даже неясности, встрѣчающіяся у философовъ, находятъ для себя объясненіе въ усвоенной ими точкѣ зрѣнія на первыя достовѣрныя положенія мысли.

На третьей ступени, великія философскія доктрины изучаются учениками-софистами. Задача ихъ самая неблагогодарная. Для окончательнаго испытанія доктрины необходимо провести чрезъ нее каждую мысль, каждое положеніе, каждую, хотя бы незначительную формулу, каждую гипотезу. Трудъ громадный, продолжительный; тоже ученіе, спустя столѣтіе, истолковывается при другихъ знаніяхъ и съ иными чувствами; умственныя потребности уже не тѣ, смыслъ словъ измѣнился, обстоятельства совсѣмъ иныя. Трудъ сухой и утомительный; одни начала представляются поразительно очевидными, другія—непонятными; ихъ слѣдствія кажутся то непроверяемыми, то крайне сомнительными. Чтобы преодолѣть трудности, разсѣять туманъ, пополнить пробѣлы, надо безпристрастно отнестись къ заблужденію, не довѣрять иллюзіямъ и въ тоже время позволить себѣ увлекаться ими, утверждать и сомнѣваться, быть ученикомъ и идти про-

тивъ учителя на каждомъ шагѣ. Софистъ не ищетъ новаго начала, но пытается устранить затрудненія, представляемыя тѣмъ началомъ, которое онъ допускаетъ; не стремится къ новому рѣшенію, но желаетъ найти самыя твердыя основанія для рѣшенія, заимствуемаго имъ у того или другаго философа. Онъ преувеличиваетъ силу доказательствъ, привязывается къ значенію словъ, анализируетъ, изслѣдуетъ, уточняетъ естественныя формы разсужденія, оспариваетъ противоположныя мнѣнія, ищетъ отгѣта на всевозможныя возраженія; разности, имъ находимыя, становятся неуловимыми, доказательства въ пользу защищаемаго мнѣнія безконечными; непосредственное сознаніе истины въ немъ затемняется, чувство дѣйствительности утрачивается. Въ ученіи софистовъ мы встрѣтимъ странныя утвержденія, несмысленныя сужденія, безчисленныя ошибки въ пониманіи, игру словъ, принимаемую за умственный законъ. Но увидимъ также, что дивное могущество человѣческой мысли просвѣчиваетъ даже въ этихъ крайностяхъ. Большинство софистовъ были люди возвышеннаго ума; всѣ они избирали исходною для себя точкой величайшія открытія, важнѣйшіе успѣхи въ наукѣ мышленія и разрабатывали ихъ почти всегда съ глубокимъ убѣжденіемъ, часто увлекаясь до энтузіазма. Прищипаніе не смущаетъ ихъ, опасность не останавливаетъ. Увоенное начало должно быть доказано во всей своей силѣ, противоположныя мнѣнія должны быть уничтожены въ самомъ источникѣ своемъ. Ихъ наивность иногда смѣшна, ихъ усилія всегда поразительны даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они прибѣгаютъ къ самымъ дѣтскимъ средствамъ съ цѣлію отстоять правоту своего дѣла. Они подобны кометамъ, уклонившимся съ своего пути и продолжающимъ прямо двигаться въ безпредѣльномъ пространствѣ; пусть имъ суждено было погибнуть въ своемъ беспорядочномъ теченіи; они оставили за собою блестящій слѣдъ.

Ученіе ихъ распространяется, переходя отъ учителей къ ученикамъ; образуются школы, умножаются несогласія, возрастаютъ противорѣчія. Бѣлое для однихъ дѣлается чернымъ для другихъ; что выше всякаго сомнѣнія для черныхъ, кажется нелѣпнымъ для послѣднихъ; смотря по школѣ, истина

признается заблужденіемъ, заблужденіе—истиной, пока, наконецъ, благодаря рѣшенію однихъ и тѣхъ же вопросовъ съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, умъ, естественно, пріобрѣтаетъ привычку вѣрить, что противоположныя мнѣнія одинаково законны, что тезисъ такъ же очевиденъ, какъ и антитезисъ, доказательство въ одну сторону такъ же справедливо, какъ и противоположное доказательство въ другую. Такимъ путемъ въ повѣйшія времена образовалась антиномистика, древность произвела эристику,—искусство доказывать за и противъ безразлично, средневѣковые ученые прославились искусствомъ защищать одинаково и тезисъ и антитезисъ. Умы пріобрѣли въ эти три эпохи изворотливость и впади въ однѣ и тѣже крайности. Съ той минуты, какъ за и противъ поддерживаются съ одинаковымъ правомъ, всякая мысль является въ одно и тоже время и истинной и ложной; всякая достовѣрность исчезаетъ, истина становится призракомъ, попытки достигнуть ея—безуміемъ. Ужасно это могущество мышленія, которое поведетъ софистовъ, въ эти три эпохи, къ заблужденіямъ еще большимъ и низвергнетъ ихъ въ пропасть, крайнимъ предѣломъ которой будетъ нигилизмъ, если только мракъ безразсуднаго мистицизма не поглотитъ послѣднихъ проблесковъ ихъ ума. Трогательное зрѣлище, напоминающее древнюю трагедію, представляетъ этотъ роковой ходъ мышленія; въ горячей жадѣ истины, оно истощаетъ одну за другою лучшія свои способности, обращаетъ свое оружіе противъ самого себя и, отъ изнеможенія и отчаянія, оканчиваетъ самоубійствомъ.

V.

Значеніе софистовъ.

По происхожденію, слово софистъ значитъ учитель мудрости; древніе сдѣлали изъ этого слова оскорбительный терминъ, повѣйшіе придали ему значеніе ложно-мыслящаго ума, систематическаго мечтателя.

Умъ поверхностный, остановившись на нѣсколькихъ чистыхъ, извѣстныхъ ему данныхъ, обобщаетъ ихъ, не принимая взаимныхъ отношеній между ними; считаетъ всѣхъ

французовъ легкомысленными, потому что нѣкоторые, извѣстные ему, таковы, или—бѣлокурныя расы болѣе совершенными потому, что самъ принадлежитъ къ такой расѣ. Очевидно, такой умъ не способенъ возвыситься до пониманія великихъ философскихъ ученій. Заносчивый и бессильный, рѣзкій въ сужденіяхъ, поражающій иногда своеобразнымъ теченіемъ мыслей, онъ можетъ имѣть задатки умнаго человѣка, но не софиста. У систематическаго мечтателя еще менѣе основательности. Если онъ не тратитъ понапрасну времени на отыскиваніе квадратуры круга или непрестаннаго движенія (*perpetuum mobile*), то пускается въ какія нибудь отдаленныя аналогіи, кажуціяся ему громадными открытіями,—видитъ въ общеніи женъ или въ раздѣлѣ имущества всеобщее лекарство отъ всѣхъ золъ, мечтаетъ примирить всѣ честолюбія, удовлетворить всѣ интересы, и въ одной какой либо формулѣ находитъ секретъ универсальнаго счастья. Тотъ и другой одинаково немощны мыслью; совсѣмъ иного закала софистъ! Это—умъ гибкій, проникательный, способный прослѣдить самыя возвышенныя отвлеченности и мельчайшія наблюденія, самыя широкія обобщенія и самыя тонкія мысли; открытый для всяческихъ знаній, неутомимый въ работѣ, всегда осторожный, часто скромный онъ свободно располагаетъ своими способностями и своимъ словомъ; никакое ухищреніе не обманетъ его, никакая тонкость не остановитъ, никакая иллюзія не введетъ въ заблужденіе, если только она не его собственная, и притомъ такая, происхожденіе которой надо искать не въ немъ самомъ, а за нѣсколько столѣтій раньше, у того или другаго изъ великихъ философовъ, сдѣлавшаго нѣкогда какое нибудь безсмертное открытіе. Софистъ доводитъ ученіе философа до послѣднихъ крайностей; но развиваетъ его во всѣхъ направленіяхъ и всюду, гдѣ находитъ достаточныя данныя, освѣщаетъ его новымъ свѣтомъ.

Въ борьбѣ и спорахъ между собой софистическія школы распространяютъ свой анализъ на множество вопросовъ, которые продолжали бы покоиться въ глубинѣ человѣческаго сознанія, если бы что нибудь снова не возбудило къ жизни тѣхъ истинъ, которыя въ нихъ содержатся, или—